

В. Е. СТОЯНОВ

О МОГИЛЬНИКАХ ЗАУРАЛЬСКО-ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ранний железный век)

Исследования могильников раннего железного века на обозначенной территории были начаты в XIX в. А. Н. Зыряновым (1863 и др.), К. Голодниковым (1879), Н. Ю. Зографом (1879 и др.), Ф. А. Уваровым, Н. Я. Словоцовым, А. Гейкелем (Талицкая, 1953, стр. 301, 314, 315 и др.). В начале XX в. их продолжали М. К. Минко (1907; Дурылин, 1927), В. Я. Толмачев, В. П. Бирюков (1927). Но лишь в конце 20-х годов, благодаря работам В. П. Левашовой (1928, 1948)¹, П. А. Дмитриева (1929), Н. Н. Бортвина (1930), могильники превратились в объект серьезного анализа. Тогда же П. А. Дмитриев наметил группу погребений III в. до н. э.—I в. н. э., с устойчивым сочетанием специфических черт обряда и инвентаря (1929, стр. 187—190 и др.). Накопившиеся материалы интерпретировались В. Н. Чернецовым (1953 и 1953а), В. И. Мошинской (1953), К. Ф. Смирновым (1964), К. В. Сальниковым (1966), М. Г. Мошковой (1969), В. А. Могильниковым (1967, 1969, 1969а, 1972), М. Г. Мошковой и В. Ф. Генингом (1972). Интенсивные полевые исследования под руководством К. В. Сальникова (1962), П. М. Кожина, С. В. Зотовой (Кожин, 1972), В. А. Могильникова (1968, 1968а, 1972а), Т. М. Потемкиной (1969), С. Я. и Г. Б. Зданович (1968,

¹ В. П. Левашова. Раскопки курганов Омского и Барабинского округов. Рукопись статьи. На эту же тему В. П. Левашовой был прочитан в ГИМе доклад. На него ссылается П. А. Дмитриев (1929).

² К. В. Сальников. Отчеты 1960 и 1961 гг.; П. М. Кожин. Отчет 1959 г.; С. В. Зотова. Отчет 1960 г.; В. А. Могильников. Отчеты 1961, 1962, 1966, 1967—1970 гг.; Т. М. Потемкина. Отчет 1966 г.; Г. Б. и С. Я. Зданович. Отчеты 1966—1968 гг.

1969) и других относятся к концу 50-х и 60-м годам². Наиболее обширные работы произведены Уральской экспедицией, которой руководит В. Ф. Генинг (Генинг, 1964; Генинг, Голдина, 1969; Генинг, Корякова, Овчинникова, Федорова, 1970; Стоянов, Фролов, 1964). В итоге накопился материал почти из 40 могильников и мест захоронений (более 80 курганов и 150 погребений), позволяющий предложить новый вариант характеристики некрополей³.

Для лесостепи, ограниченной на западе Уралом, а на востоке р. Иртышом, характерны курганные могильники. Они могут классифицироваться по надмогильным сооружениям, погребальным камерам, способу захоронения, количеству и размещению погребений в курганах.

Надмогильные сооружения — это насыпи, конструкции, возведенные над погребальными камерами и перекрытые насыпями, сооружения на древней поверхности, ограничивающие погребальные комплексы по периметру и перекрывавшиеся или не перекрывавшиеся насыпями. По объему насыпи подразделяются на отделы: малые (I—III), средние (IV—VI) и большие (VII—IX), а по высоте — на подотделы: низкие (1—3), средней высоты (4—6) и высокие (7—9). Используемые при этом показатели учитывают нынешние размеры курганов. Первый — произведение диаметра на квадрат высоты — достаточно различает бывшие объемы насыпей, если их изменения не были обусловлены перемещением грунта на другие участки поверхности (табл. А).

Таблица А

	Насыпи								
	малые			средние			большие		
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Показатели объемов	до 75	150	300	600	1200	2400	4800	9600	свыше 9600

Второй — отношение высоты к диаметру — значительно менее точен, хотя и позволяет объективно различать курганы (табл. Б).

Таблица Б

	Насыпи								
	низкие			средней высоты			высокие		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Показатели высоты	до 25	50	75	100	125	150	175	200	свыше 200

³ М. С. Акимов, В. Ф. Генинг. Отчет 1961 г.; В. Ф. Генинг. Отчеты 1961 и 1962 гг.; В. Ф. Генинг, М. Г. Мошкова. Отчет 1963 г.; В. Е. Стоянов. Отчет 1963 г. Благодарю М. С. Акимову, В. Д. Викторову, В. Ф. Генинга, С. В. Зотову, Г. Б. Здановича, В. П. Левашову, П. М. Кожина, М. Г. Мошкову, В. А. Могильникова, Т. М. Потемкину, В. С. Стоколоса за материалы и разрешение использовать их.

Тип А составляют курганы в виде простых земляных насыпей, Б — с «шатровыми сооружениями» в насыпях, В — с вымостками (из глины, песка и т. п.) в насыпях.

«Шатровые сооружения» относительно однообразны. Они состоят из двух частей: земляного цоколя с бревенчатым креплением по периметру или без него и конуса, сложенного из бревен или жердей, укрепленных на цоколе или близ него. Такими, вероятно, были конструкции, представленные остатками из насыпей кургана Тюменского I могильника (Гейкель, 1894), «самого большого в группе из четырех курганов, лежащих на землях пос. Исаковского» (Минко, 1907), Царева кургана (Сальников, 1962), курганов 5 и 6 Шмаковского могильника и др.

Глиняные вымостки некоторых насыпей тщательно уплотнены и обожжены, как в курганах 1 и 2 Абатского могильника и др.

Подтипы образуют: а — курганы без ровиков и валков, ограждающих погребения; б — с ровиками; в — с ровиками и валками; г — с валками; д — с углублениями под полами насыпей, возникшими там, откуда брали землю.

Здесь целесообразно констатировать, что чаще других везде насыпались простейшие малые и средние, низкие и средней высоты курганы; важно отметить и некоторые особенности могильников, лежащих по Тоболу и западнее, и затобольских. Последние проявляются, прежде всего, преобладанием в составе западных малых насыпей, а на востоке — средних. Однако это различие нельзя абсолютизировать, так как в раннее время, например в курганах I и II Черноозерского III могильника (Генинг, Корякова, Овчинникова, Федорова, 1970, рис. 2), оно могло быть менее заметным. Кроме того, нечто подобное фиксируется и в зауральской лесостепи, где на могильниках бассейна р. Исети, в северо-западной и северной частях исследуемой территории, малых насыпей больше других (почти 60%; в том числе самых малых [I] — 40%, что равно сумме средних и больших), а на могильниках, лежащих в бассейне р. Тобола, выше устья р. Исети, малых курганов значительно меньше (42,5%; в том числе самых малых [I] всего 12%). Возможно, что-то похожее будет определено в Затоболье.

Погребальные камеры различаются положением относительно древней дневной поверхности и по этому признаку обособляются в две группы: первая — камеры на древней поверхности, вторая — в ямах, неглубоких (до 0,5 м) и глубоких (более 0,5 м). Первых очень мало (встречены не менее 5 раз как западнее, так и восточнее Тобола). Камеры в виде ям различаются сечением, образуя три отдела: I — с отвесными стенками, II — с уступами, III — с наклонными стенками, и очертаниями плана, образуя пять типов: 1 — широкие четырехугольные и прямоугольные, почти квадратные и квадратные, 2 — длинные прямоугольные, 3 — овальные, 4 — прямоугольно-овальные, 5 — округлые.

Ямы отдела II могут иметь по одному или по два уступа, расположенных высоко или низко. Ямы с одним уступом и низким положением уступов встречаются редко. Эти особенности в классификации пока не учтены.

Ям отдела III очень мало (не более 6%), они едва ли отражают особую традицию. Это, скорее, остатки ям первых двух отделов, искаженные разрушениями. Единичны ямы округлого плана.

Наличие или отсутствие перекрытия, его конструкция учитываются при выделении видов: А — без перекрытия; Б — перекрытия на древней поверхности или уступах; В — перекрытия на столбах. Наличие или отсутствие облицовки стен камер, ее конструкция служат основанием для выделения разновидностей: а — без облицовки; б — облицованы горизонтально на всю высоту; в — облицованы на всю высоту вертикальными бревнами или плахами, укрепленными основаниями в канавке; г — придонные участки укреплены одним-двумя продольно уложенными плахами или бревнами.

Можно отметить повсеместное широкое использование камер без деревянных конструкций (без перекрытий 67—74% и без облицовок 89—93%) и почти одинаковое по частоте (23—24%) применение простейших перекрытий. Следует помнить, что большинство погребений разрушено грабителями.

Корреляцией классифицирующихся признаков устанавливаются сочетания, характеризующие надмогильные сооружения и погребальные камеры как таковые и различия зауральских и затобольских могильников (рис. 1 — А). Между Уралом и р. Тоболом сооружались чаще всего малые и низкие курганы, представляющие собой простые земляные насыпи без ровиков и валков. Под ними находились погребальные камеры, как правило, в виде неглубоких с отвесными стенками ям, длинного прямоугольного или широкого четырехугольного или прямоугольного, почти квадратного или квадратного плана. Пока только в Зауралье открыты средние и большие, средней высоты курганы с «шатрами» в насыпях, ровиками и валками. Под ними находились погребальные камеры в виде обширных и глубоких широких четырехугольных, почти квадратных и квадратных ям, облицованных деревом горизонтально или вертикально во всю высоту стен и перекрытых мощным накатом, опирающимся на столбы или края ям.

Между реками Тоболом и Иртышом, вероятно, сооружались преимущественно курганы средних размеров и высоты, в виде земляных насыпей с ровиками и без них, иногда с вымостками. Под ними находились погребальные камеры преимущественно в виде глубоких ям с отвесными стенками и уступами, длинного прямоугольного, прямоугольно-овального и овального плана. Придонные части некоторых из них укреплены продольно уложенными плахами или бревнами.

Различия в ориентировке погребенных выявляются четко, хотя повсеместно чаще других фиксируется северная (С, ССЗ, ССВ). На западе она преобладает. В Зауралье так ориентировано 75—78% захороненных (и 17% на СЗ и СВ). На востоке же ориентировка разнообразнее: в Затоболье лишь 42% захороненных ориентировано на север, 30% — на СЗ и СВ, а 27% имело широтную (ЗСЗ, З, ЗЮЗ и ВСВ, В, ВЮВ) и южную (ЮЮЗ, Ю, ЮЮВ) ориентировку. Справедливость наблюдений подтверждается анализом ориентировки погребальных камер. На зауральских могильниках она преимущественно меридиональная

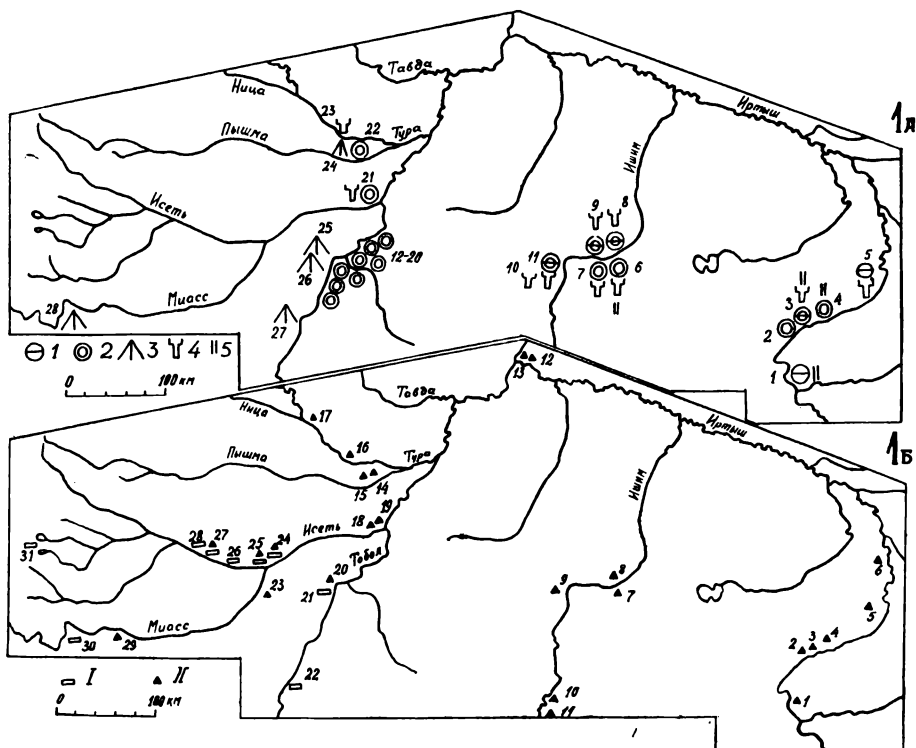

Рис. 1. Карта 1а. Особенности могильников восточного и западного ареалов.

1 — Коконовский, курган 1927 г.; 2 — Саргатский, курган 1928 г.; 3—4 — Калачевские I и II; 5 — Черноозерский III; 6—7 — Лихачевский курганы 2 и 3; 8—9 — Абатский, курганы 1 и 2; 10—11 — Фоминцевский, курганы 1 и 2; 12 — Варакосовский; 13—16 — Усть-Суерский; 17—18 — Камышевский II; 19 — Петуховский; 20 — Песьянский; 21 — Памятный курган I; 22 — курган на южном берегу оз. Андреевского; 23 — Мысовской, курган 6; 24 — Тюменский I, курган 1893 г.; 25—26 — Шмаковский, курганы 5 и 6; 27 — Царев курган; 28 — «самый большой в группе из четырех курганов, лежащих на землях пос. Исаковского». Условные обозначения: 1 — курган с вымосткой в насыпи; 2 — курган с погребениями «под полами по кругу»; 3 — курган с «шатровым сооружением» в насыпи; 4 — погребальная камера с уступами; 5 — погребальная камера, придонные участки которой укреплены продольно уложенными плахами или бревнами.

Карта 16. Распространение погребений с гороховской и речкинской керамикой **.

1 — Коконовский; 2—3 — Калачевские I и II; 4 — Саргатский; 5 — Стрижовский; 6 — Черноозерский III; 7 — Лихачевский; 8 — Абатский; 9 — Фоминцевский; 10 — погребение на Боровском II селище; 11 — Явленский I; 12 — курган 13 на Чувашском мысу; 13 — Тюковский курган; 14 — курган на южном берегу оз. Андреевского; 15 — погребение 16 на Козловом мысу; 16 — Мысовской; 17 — Макушинский курган; 18 — Томиловский I; 19 — Памятный; 20 — погребение на Речкинском I селище; 21 — Шмаковский; 22 — Раскатихинский; 23 — Долговский (Баклавский); 24—25 — Прыговские I и II; 26 — Боровой (Шляпина) курган; 27—28 — Воробьевские I и II; 29 — Пивкинский курган; 30 — «курган на 11 версте Миасского тракта»; 31 — Истокский курган на оз. Иткуль. Условные обозначения: I — с гороховской, II — с речкинской керамикой.

* Такие курганы раскопаны В. А. Могильниковым на Богдановском могильнике.

** Речкинские сосуды обнаружены В. А. Могильниковым в могильниках Горная Бития и Богдановском.

(ССЗ—ЮЮВ, С—Ю, ССВ—ЮЮЗ — 88%), а камеры затобольских ориентированы многообразнее: лишь 44% — меридионально, 19% — широтно и 37 — промежуточно (СЗ—ЮВ, СВ—ЮЗ).

Могильники различаются еще количеством и размещением погребений под насыпью. В Зауралье чаще встречаются курганы с одним погребением: здесь на каждые 10 раскопанных курганов приходится 12 погребений, в том числе вводных, принадлежащих культуре затобольских могильников. Для Затоболья характерны курганы со многими погребениями: на один курган приходится в среднем 5 погребений.

Отмеченными обстоятельствами обусловлено, очевидно, и оговоренное выше преобладание малых насыпей на западе и средних — на востоке.

В зауральских могильниках большинство погребений находится под центром или у центра насыпи (94%), в затобольских таких менее трети (32%), остальные находились под полами или в полах, в том числе «под полами по кругу» (63%). Последним обусловлено, вероятно, и отмеченное разнообразие в ориентировке захороненных и ям на затобольских могильниках.

Лишь в трех отношениях могильники поразительно сходны. Во-первых, для них характерны ингумации. Только две кремации известны на юге в Зауралье. Это курган 36 у пос. Ченяки и «курган на 11 версте Миасского тракта», оба близ г. Челябинска. Один раз отмечено действие сильного огня на кости: верхний скелет погребения 3 кургана I Фоминцевского могильника.

Во-вторых, единообразно положение захороненных: они вытянуты на спине. Это установлено почти в 50 погребениях, но большинство из них сохранились частично. Там же, где скелеты уцелели, можно было констатировать, что захороненные покоились на спине с уложенными вдоль тела конечностями. Лишь раз отмечено скорченное на боку детское погребение 1 на Речкинском II селище с левобережья Среднего Тобола.

Все сохранившиеся полностью или частично скелеты лежали на дне погребальных камер вдоль их длинных стенок. Только однажды зафиксировано диагональное положение: погребение 8 кургана 3 Лихачевского могильника на правобережье Среднего Ишима.

В-третьих, единообразно и расположение предметов, сопровождавших захороненного. В погребениях находят сосуды, стоящие в изголовье, у таза или в ногах; кости животных, лежащие в изголовье или в ногах; некоторые орудия труда (кельты, пряслица и т. п.), предметы вооружения (костяные накладки луков, наконечники стрел и т. п.) и предметы туалета (зеркала и т. п.), лежащие, подобно сосудам и костям животных, рядом со скелетом, в изголовье, у плеча, таза, ног и в ногах. Другие предметы, непосредственно связанные с костюмом, находились в хорошо сохранившихся погребениях обычно в тех местах, где носились: ножи, кинжалы и мечи, наконечники стрел, остатки колчанов и колчанные крючки — у таза или бедра; пряжки — у таза или на тазе; украшения: височные подвески и бусы — у головы, браслеты — на костях предплечий.

Соотношения погребений и могильников с поселениями устанавливаются наиболее надежно по керамике. Она может быть разделена на ряд типов: каменогорский (Берс, 1960; Сальников, 1960, 1961), носиловский, розановский⁴, иткульский (Сальников, 1962а), воробьевский, байтовский⁵ (Стоянов, 1969; Зданович, 1967), гороховский (Сальников, 1947), речкинский (Левашова, 1948; Стоянов, 1969) и т. п. Однако лишь гороховские, речкинские, иткульские и воробьевские сосуды обнаружены в составе погребальных комплексов.

Погребения и курганы с гороховскими сосудами локализируются по Среднему Тоболу и западнее (рис. 1-Б), лишь одно находится далеко на востоке в бассейне р. Ишима (Акишев, 1959, стр. 23—24). Они характеризуются признаками, определяющими своеобразие зауральских могильников. Их ранняя датировка — не позднее V в. до н. э., а поздняя — не ранее II в. до н. э.

Ранняя дата устанавливается по предметам из погребения 1 Раскатихинского могильника с правобережья Среднего Тобола (Потемкина, 1969, стр. 11—13, рис. 2, 3—6—11; 5—4). Останки находились на дне широкой прямоугольной ямы с округлыми углами и почти отвесными стенками. Погребенный был уложен на спину и ориентирован головой на север. У правого плеча лежала овечья кость, а у левого бедра — остатки колчана. Близ правого верхнего угла колчана находился бронзовый крючок, а в нижней части — 18 бронзовых и 3 костяных наконечника стрел. У пояса обнаружена бронзовая бляшка, у костей правой руки — обломки какого-то железного предмета, а близ стоп — железный нож с горбатой спинкой, прямым, чуть скошенным у кончика лезвием, коротким черешком, отделенным от лезвия четким уступчиком.

Яма была перекрыта двухъярусным накатом (погребальная камера I — 1—Б-а). Верхние бревна сильно обуглены, нижние обгорели значительно слабее. Можно предполагать, что после того как яма была закрыта, настил подожгли и спустя некоторое время затушили, закидав землей, которая и составила часть насыпи, позднее полностью разрушенной при распашке. На нетронутой части наката, близ его юго-западного края, были обнаружены фрагменты сосуда гороховского типа (рис. 2 — 8).

Погребение могло быть совершено где-то между концом VI и III вв. до н. э. — таковы хронологические рубежи найденных предметов.

Но эту дату следует сузить до V — начала IV в. до н. э. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел с прямыми гранями и короткой выступающей втулкой (1 экз., рис. 2 — 1), трехгранные с дуговидными оттянутыми в шипы гранями и скрытой втулкой (16 экз., рис. 2 — 2, 3) могли употребляться до и после IV в. до н. э. Дуговидность граней на-

⁴ В статье В. Ф. Генинга, Л. Н. Коряковой, Б. Б. Овчинниковой, Н. В. Федоровой (1970, стр. 205—208) керамика описана под иным названием и в иной связи, что, на мой взгляд, едва ли достаточно обосновано.

⁵ В. А. Могильников (1970, стр. 172—179) объединяет керамику ивановскую, байтовскую и розановскую под названием ивановско-байтовской, аргументируя это явно недостаточно и противоречиво.

конечников, преобладание их в наборе могут быть доказательствами раннего варианта даты.

О том же свидетельствует и бронзовый трехлопастной наконечник со сводчатой головкой, оттянутыми в шипы гранями и коротким черешком (1 экз., рис. 2—7). Подобные черты характерны для сакского и савроматского времени (Смирнов, 1961, стр. 64—66, рис. 17г; Акишев, Куша-

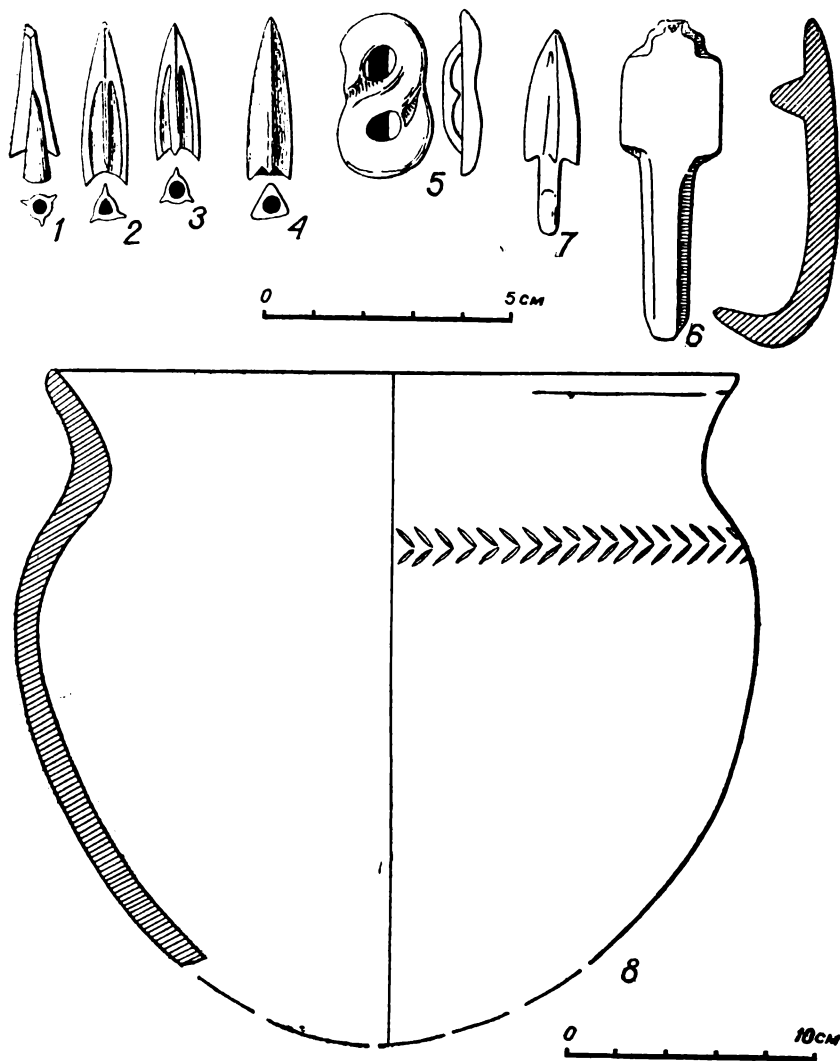

Рис. 2. Находки из погребения 1 Раскатихинского могильника
(1—3, 5—7 — медные, 4 — из кости, 8 — из глины).

ев, 1963, стр. 116—117, рис. 25, 26; Маргулан, Акишев, Кадыйтбаев, Оразбаев, 1966, рис. 58, стр. 376 и др.).

Литой бронзовый крючок имеет на верхнем конце массивную многоугольную пластину с поперечной петлей на внутренней стороне (рис. 2—6). Точных аналогий ему найти не удалось. Следует отметить, что литые и массивные бронзовые крючки встречаются, как правило, в савроматских комплексах, а в раннесарматских — кованые железные (Смирнов, Петренко, 1964; Мошкова, 1963).

Бронзовая «восьмеркообразная» бляха воспроизводит зооморфную композицию из двух противопоставленных головок (рис. 2—5). Ей не всегда можно указать достаточно точные аналогии. Парные симметричные композиции, состоящие из изображений, полностью или частично воспроизводящих животных и грифонов, очень распространены в скифо-сарматском «зверином» стиле. Они встречаются на бляхах, украшавших костюм и сбрую, на предметах уздечного набора, на гривнах и браслетах, ручках зеркал, на перекрестиях мечей, ножнах и т. п. Предметов с изображениями композиционно близких описанному среди них немного (Руденко, 1960, стр. 159, табл. ХСVI—1, стр. 336, 357). Известно несколько аналогичных блях: деревянные «восьмеркообразные», оканчивающиеся головами грифонов, из Первого Туэктинского кургана середины VI в. до н. э. (Руденко, 1960, рис. 146-п, табл. С—6, СI—2, стр. 336, 257), и две золотые с «восьмеркообразной» композицией из противопоставленных головок баранов, найденные во втором Покровском кургане конца VI—V вв. до н. э. (Смирнов, 1964, рис. 16—23).

Вероятность такой датировки некоторых памятников с гороховской керамикой подтверждается материалами Лужковского I селища с левого бережья Верхней Исети. Во время раскопок, произведенных В. С. Стоколосом в 1956 г. (Стоколос, 1957)⁶, в верхнем горизонте культурного слоя, заполнявшего углубление постройки андроновского времени, были обнаружены остатки обособленного полуземляночного жилища с четырехугольной, почти квадратной, камерой, длинным коридорообразным ходом и очагом на полу (рис. 3—1). Под завалом перегоревших деревянных стен и кровли близ хода были найдены фрагменты сосудов гороховского типа и обломок каменного «четырёхугольного жертвенника на ножках» (рис. 3—2—7), аналогичного многим другим из савроматских погребений (Смирнов, 1964, рис. 74—1—4, стр. 162—163. Группа первая В, I или II тип). Жертвенник может указывать на савроматский возраст раскопанного жилища.

Описанным остаткам близок по времени погребальный комплекс «кургана на 11 версте Миасского тракта» (Минко, 1907, стр. 105—106; Сальников, 1947, стр. 232—233). Курган имел полусферическую, средних размеров и высоты, насыпь, сложенную из глины, сильно обожженной сверху (надмогильное сооружение VI—4—В?—?). Он был ограблен через центр. Яма грабителей вышла прямо на погребение. Здесь, на глубине 1,9 м от вершины, находились обломки гончарного сосуда, а ниже шел «слой пепла с мелкими кусочками пережженных челове-

⁶ В. С. Стоколос. Отчет 1956 г.

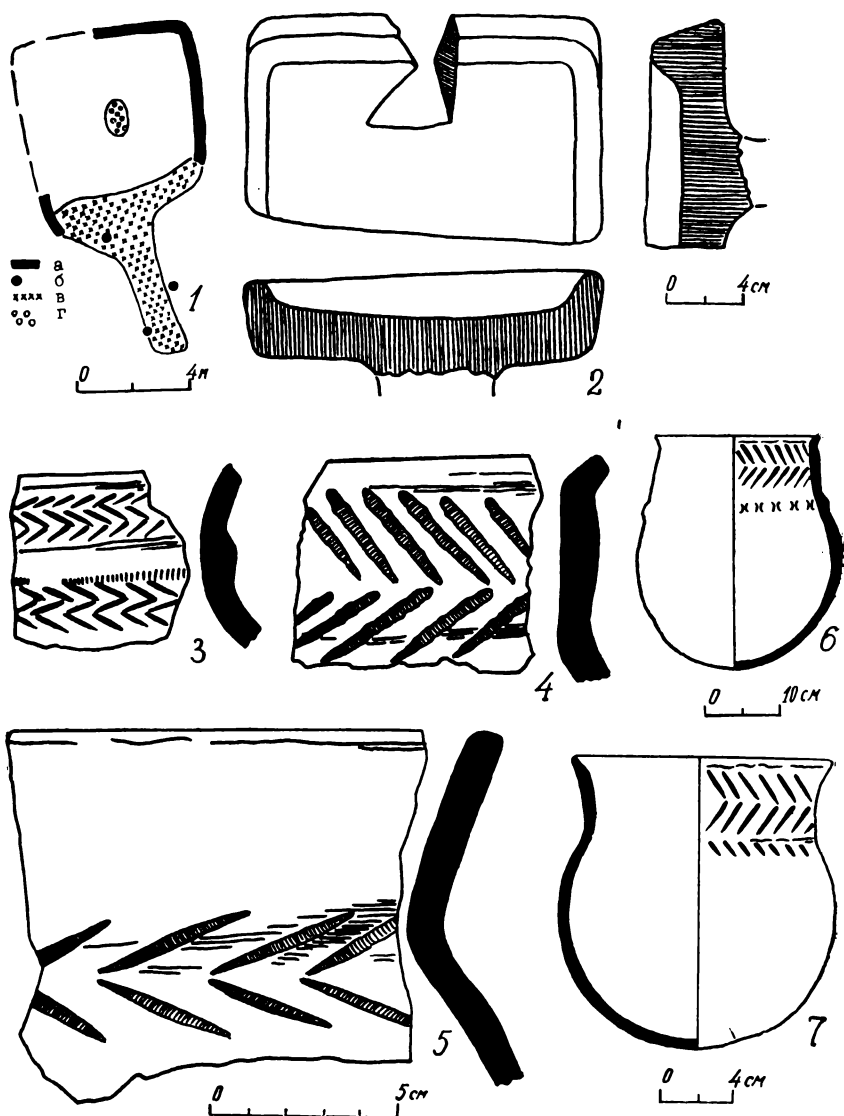

Рис. 3. Лужковское I селище.

1 — план остатков жилища (а — полосы угля, б — очертания ямок от столбов, в — земля с размокшим углем, г — кострище); 2 — обломок каменного «четырёхугольного жертвенника на ножках»; 3—5 — обломки сосудов; 6—7 — реконструкции сосудов.

ских костей». В нем найдены «обломки медного предмета в виде тарелки», может быть, зеркала (Смирнов, 1964, стр. 96), железного ножа и 21 или 24 наконечника стрел из бронзы (Минко, 1907) — все со следами сильного огня. Около слоя пепла, «на пласте глины», лежали каменное блюдо и два раздавленных сосуда. Под «слоем пепла» начиналась яма, заполненная грунтом, перемешанным с древесным углем.

Остатки датируются по бронзовым наконечникам стрел: трехлопастные с выступающей втулкой, треугольной головкой и оттянутыми гранями (всего 7 экз.) употреблялись, главным образом, в V—III вв. до н. э. (Смирнов, 1961, стр. 48—49, табл. III, тип IX A). Трехлопастные со сводчатой головкой, скрытой втулкой и оттянутыми в шипы гранями (всего 11 экз.) употреблялись преимущественно в V—IV вв. до н. э. (Смирнов, 1961, стр. 50—51, табл. III, тип XII) ⁷. Такое сочетание характерно для колчанов IV в. до н. э. (Смирнов, 1964, стр. 165).

Погребения с гороховскими сосудами раскопаны в курганах Шмаковского могильника с левобережья Среднего Тобола (Викторова, Геннинг, Стоянов, 1964) ⁸. Курган 5, средних размеров и высоты, имел в насыпи остатки «шатра» и был ограничен по периметру нешироким, но глубоким ровиком с валком на внутренней стороне (надмогильное сооружение VI—4—Б—в). Погребение находилось под центром насыпи в глубокой, почти квадратной с отвесными стенками яме, перекрытой двухъярусным бревенчатым накатом, уложенным на уровне древней поверхности. Два столба поддерживали это перекрытие (погребальная камера I—1—Б—а). Яма была ориентирована по линии С—Ю.

Погребение неоднократно грабилось. В перекопанном заполнении ямы содержались кости двух человеческих скелетов, обломки шлема, длинного и широкого меча, золотая нить и костяная заколка. У дна найдены овечьи кости, обломки двух сосудов, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, два бронзовых трехлопастных наконечника со скрытыми втулками, пирамидальными головками и оттянутыми в шипы гранями, два костяных трехгранных со скрытыми втулками, сводчатыми головками и оттянутыми в шипы гранями.

Особый интерес представляет «шатровое сооружение». Оно возведено на цоколе, выложенном из глины, и перекрывало погребение и накат. Цоколь был ограничен многоугольной бревенчатой рамой. «Шатер» сложен из длинных и тонких березовых бревен, крытых ветвями.

Очень близок описанному курган 6. Его насыпь, средних размеров и высоты, также содержала остатки «шатра» и была ограничена по периметру нешироким, но глубоким ровиком и валком, уложенным с внутренней стороны (надмогильное сооружение V—4—Б—в). Погребение находилось под центром насыпи в глубокой, почти квадратной с отвесными стенками яме, ориентированной по линии ССВ—ЮЮЗ. Стены облицованы бревнами, поставленными вертикально вплотную и укрепленными основаниями в канавке. В углах и у середины юго-западной стены некогда стояли крупные столбы, на которых покоились перево-

⁷ Всего, таким образом, описано 18 экз. Об остальных у Н. К. Минко сведений нет.

⁸ В. Ф. Геннинг. Отчеты 1961 и 1962 гг.

дины, поддерживавшие двухъярусный накат, уложенный на уровне древней поверхности поперёк ямы (погребальная камера I—1—B—в). В средней части дна находился невысокий плоский и широкий выступ. Все дно покрывал тонкий слой органических остатков.

Погребение почти полностью разрушено грабителями. В перекопанном заполнении находились кости человеческого скелета, охра, древесный уголь и костяные панцирные пластинки. На дне, у края прямоугольного выступа, найдены два ремешка с бронзовыми спиральными пронизками и бляхой, две бронзовые бляхи, изображающие стоящих хищников, обломки двух сосудов, железного предмета удлинённых пропорций и рядом — пять серебряных блях уздечного набора.

«Шатровое сооружение», аналогичное кургану 5, возведено на цоколе, которым стал досыпанный более древний курган. Погребальная камера впущена в центр этой ранней насыпи. Цоколь был ограничен бревенчатой крепью и получил вид тела, состоящего из двух низких усечённых пирамид, тринадцатигранной снизу и девятигранной сверху. «Шатер» был сложен из тонких и длинных бревен.

Погребения курганов 5 и 6 Шмаковского могильника относятся, вероятнее всего, к IV—III вв. до н. э. На это указывают аналоги найденных в них костяных, бронзовых, железных наконечников стрел (Мошкова, 1963, стр. 32, табл. 17 — 1—5; Смирнов, 1961, стр. 64) и бронзовой крестовидной бляхи (Либеров, 1965, рис. 2, табл. IX, табл. 23 — 25, 37, 38; Петренко, 1967, стр. 94, табл. 27 — 9).

Поздним можно считать погребение 1 кургана 3 Прыговского I могильника с левобережья Средней Исети. Оно находилось под центральной частью самого малого и низкого кургана (надмогильное сооружение I—1—A—а). Захоронение совершено в неглубокой прямоугольной с отвесными стенками яме (погребальная камера I—2—A—а). Судя по положению уцелевших костей, погребённая лежала вытянуто на спине головой на ССЗ. Слева за черепом на дне могилы стояли два сосуда, лежала песчаниковая плита и крупный обломок бронзового зеркала. Прямо за черепом, тоже на дне, находились овечьи кости, рядом с ними — обломок железного ножа. Слева и справа у черепа найдены две золотые проволочные подвески, а под ними — остатки ожерелья из бус. На костях левого предплечья обнаружены следы бронзового браслета и остатки браслета из бус. У ног погребённой, в правом углу ямы, стояли ещё два сосуда, в одном из них лежали две небольшие тальковые плитки.

Погребение может быть датировано по бронзовому зеркалу: такие появляются на рубеже IV—III вв. до н. э., бытуют в III—II вв. до н. э. и позже (Мошкова, 1963, табл. 25, стр. 42—43; табл. 28—8, 9, 12, 15, 19, стр. 15—19). Височные подвески имеют более широкий круг аналогов, время существования которых ограничено рубежом VI—V вв. и II в. до н. э. (Смирнов, 1964, стр. 142, рис. 35Б—9, рис. 71—12; Збруева, 1952, стр. 42, 50, табл. VI—7; Киселев, 1951, стр. 350, табл. XXXII—4, 9; Руденко, 1960, стр. 336, рис. 6-б, стр. 16—18).

Ещё более поздним следует считать погребение 4 кургана I Воробьёвского I могильника с левобережья Средней Исети. Оно полностью

разрушено грабителями и сохранилось в виде скопления костей одного человеческого скелета, залегавшего близ центра насыпи на глубине 0,4 м от вершины. Рядом с костями на той же глубине найдены обломки сосуда, бронзовое зеркало и два пряслица, выточенные из обломков стенок и горловин гороховских сосудов (Стоянов, Фролов, 1962, стр. 53—54, 62—63, рис. 29 — 1).

Время этого погребения определяется по небольшому бронзовому зеркалу с нешироким выпуклым ободком по краю и небольшой выпуклиной в центре. Его, вероятно, следует датировать II—I вв. до н. э. (т. е. не раньше конца раннесарматского этапа): небольшие зеркала с ободком, конической выпуклиной на обороте и коротким черешком характерны для среднесарматского этапа (Граков, 1947, стр. 105).

Погребения и курганы с речкинскими сосудами локализуются между Иртышом на востоке и севере, Тоболом, низовьями Туры и Средней Исетью (несколько выше устья Миасса) на северо-западе, западе и юго-западе (рис. 1-Б). Они датируются IV в. до н. э. — II—IV вв. н. э. и характеризуются чертами, определяющими своеобразие затобольских могильников.

Погребения образуют три хронологические группы (Могильников, 1967; Стоянов, 1970). Ранних захоронений (IV—III вв. до н. э.) с речкинскими сосудами немного. Надежно датируются: погребение 11 кургана I Абатского могильника⁹, погребения обоих Коконовских курганов, раскопанных В. П. Левашовой в 1926 и 1927 годах¹⁰, погребение 5 кургана I Памятного могильника¹¹, погребение под ранней насыпью кургана 1 Макушинского могильника¹², погребение Тюковского кургана (Мошинская, 1953, стр. 217 и др., табл. XVII), нижнее погребение 2 кургана 6 Мысовского могильника (Дмитриев, 1929, стр. 181—182), погребение кургана 4 Томиловского могильника.

В эту раннюю группу могут быть включены и некоторые хорошо датированные погребения без сосудов.

Найденные в погребениях 11 целых и 6 сосудов в обломках образуют достаточно однородный набор. Лишь сосуд из погребения 11 Абатского могильника отличается незначительной, вероятно, естественной примесью талька. Они аналогичны посуде, собранной на поселениях, из которых пока только одно (раскоп II Узловского поселения на Среднем Ишиме) может быть отнесено к этому времени (Стоянов, 1969). Сосуды с незначительной тальковой примесью изредка встречаются в слоях вместе с речкинской керамикой (Генинг, Позднякова, 1964)¹³. Ничем другим они не отличаются от остальной керамики из поселений и могильников.

⁹ В. Ф. Генинг, М. Г. Мошкова. Отчет 1963 г.

¹⁰ В. П. Левашова. Раскопки курганов Омского и Барабинского округов. Рукопись статьи.

¹¹ П. М. Кожин. Отчет 1959 г.

¹² В. Д. Викторова. Железный век в лесном Зауралье. Опыт систематизации археологических памятников. Канд. дисс. Свердловск, 1969.

¹³ Ср. описание групп III, IV и «переходной» на стр. 50—51, 55, табл. III, V, VI.

К средней группе (II в. до н. э. — II в. н. э.) относится большинство погребений с речкинскими сосудами Абатского, Фоминцевского, Лихачевского могильников на Среднем Ишиме, Саргатского, Калачевского I могильника на Среднем Иртыше.

Здесь же должны быть упомянуты многие датированные погребения без сосудов. Пока это наиболее многочисленная группа. Она ярче других отмечена компактностью, однородностью и своеобразием черт, характеризующих надмогильные сооружения, погребальные камеры, обряд и материальную культуру.

Сосуды из погребений идентичны керамике поселений, из которых некоторые могут быть отнесены к этому времени (раскоп 1 Узловского поселения, Речкинское II селище на Среднем Тоболе и др.).

К поздней группе (II—IV вв. н. э.) относятся погребения 2 и 4 кургана I Калачевского I могильника¹⁴ и, может быть, отдельные погребения — с менее определенно выраженной датой — из других могильников.

Известно лишь два погребальных комплекса с иткульскими сосудами: это курган 36 у пос. Черняки (Смирнов, 1964, стр. 57, 99—100, рис. 36—3а, 3б, 3в, 74—16) и курган 10 Прыговского I могильника¹⁵. Они датируются в пределах VI—IV вв. до н. э.

Обломки крупного воробьевского сосуда обнаружены в насыпи кургана III Шадринского могильника, датированного находками из погребения без сосуда не позднее IV в. до н. э. (Генинг, 1964, стр. 90—95, рис. 36—39).

Таким образом, погребения, соответствующие поселениям с каменногорской, носиковской, розановской, иткульской, воробьевской и бантовской керамикой, пока определять трудно или нельзя, хотя захоронения и комплексы остатков VI—IV вв. до н. э. выделяются без особого труда. В настоящее время их известно очень мало. Но они есть западнее и восточнее Тобола¹⁶ и свидетельствуют о том, что локальные особенности возникают не позднее этого раннего этапа. Можно также предполагать, что отсутствие сосудов в большинстве из них составляет характерную черту древних вариантов погребальных обрядов.

¹⁴ В. А. Могильников. Отчет 1966 г.

¹⁵ В. Ф. Генинг. Отчет 1961 г.

¹⁶ Западнее — курган III Катайского II могильника (ГАСО, ф. 139, д. 3, л. 83; д. 24, л. 38; Смирнов, 1964, с. 152—154, 162—164), курган V Воробьевского I могильника (Стойнов, Фролов, 1964, стр. 55—56, 61—62, рис. 22, 23, 26, 28, 30), курган 4 Прыговского I могильника (Генинг. Отчет 1961 г.) и др.; восточнее — курган I Калачевского II могильника (Могильников, 1968), погребение 1 Фоминцевского могильника (Генинг, Голдина, 1969) и др.